

Красноярова Анна Александровна
преподаватель кафедры русского языка
Институт иностранных языков Наньчанского университета
annaporkova1909@gmail.com

«КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Б. ПИЛЬНЯКА И Е. ПОЛЕВОГО)

В статье представлен анализ китайского текста в русской литературе, который начал формироваться ещё в XVIII в., а в дальнейшем активно развивался на протяжении XIX–XXI вв. На примере текстов Б. Пильняка и Е. Полевого автор статьи анализирует китайский текст в русской советской литературе 1920-х гг. Стилистические различия между этими произведениями не препятствовали формулировке важнейшей для идеологии советской эпохи мысли о близости «революционного пути» России и Китая.

Ключевые слова: Китайский текст, Китай, образ Китая, русская литература XX в., советская литература 1920-х гг., «китайская тема» в русской литературе, Е. Полевой, Б. Пильняк.

Русская литература 1920–1930-х гг. развивала художественные традиции литературы предшествовавших периодов. Пристальный интерес к соседней стране – Китаю – привёл к возникновению в XIX в. особого «китайского текста» [Кондаков, Красноярова 2017], который в XX в. стал развёрнутым и многообразным. В 1920–1930-е гг. русская литература разделилась на два «потока» – «советскую» литературу и литературу «русского зарубежья» (в том числе «восточного», расположенного в Китае).

В советский период «китайский вектор» политической жизни стал существенно воздействовать на культуру и, в частности, на литературу того времени. Тема Китая возникла в поэзии (В. Маяковский, Д. Бедный, С. Третьяков), драматургии (С. Третьяков), а также в прозе. «Прозаическое» представление Китая оказалось особенно многообразным. В разных вариантах в 1920–1930-е гг. Китай упоминался в произведениях М. Булгакова, Вс. Иванова, А. Белого, О. Мандельштама, М. Цветаевой.

Одним из первых в литературе советского периода к теме Китая обратился Б. Пильняк. В 1926 г. писатель побывал в Китае, где стал очевидцем революционных выступлений и даже снялся в роли поэта-революционера в кинофильме под характерным названием «В народ!», создававшимся на шанхайской киностудии.

Произведения Б. Пильняка вряд ли можно называть полностью «советскими», если иметь в виду особенности их содержания и формы, однако они выразили некоторые важные тенденции, характерные для советской эпохи.

В романе «Голый год» (1923) Китай был интерпретирован символически, в нескольких планах. Сквозными символами, характеризующими такой «Китай», стали слова «безмолвие» и «неразгадка», а также выражение «солдатские пуговицы вместо глаз». «Китай» для Б. Пильняка стал указанием на особый «евразийский» («не европейский») путь развития России.

Первый вариант символического образа Китая – знаменитый район Москвы «Китай-Город», – уходящий в *прошлое* символ «капиталистической» Москвы конца XIX в., – состоящий из «каменных закоулков» и «подворьев». Описывая его, автор – помимо «ключевых слов» («безмолвие», «неразгадка», «солдатские пуговицы вместо глаз»), указывает, что это город, «выползающий ночами из каменных закоулков и замирающий к утру»; такой Китай невольно ассоциируется с ночным бродяжничеством и разбоем.

Второй вариант символического образа Китая, также связанный с *прошлым* (но прошлым актуальным, сохраняющим свою силу в *современности*) предстаёт перед читателем как непредсказуемый, «народный», «карнавально-ярмарочный», «таящийся» в русской провинции (например, в купеческом Нижнем Новгороде): «...В снегу, из заколоченных рядов, из забитых палаток, из безлюдья – смотрит солдатскими пуговицами вместо глаз – тот: ночной московский и за Великой Каменной Стеной сокрытый: Китай. Безмолвие. Неразгадка. Без котелка. Солдатские пуговицы – вместо глаз. *Тот Московский – ночами, от вечера до утра. Этот – зимами, от ноября до марта. В марте волжские воды зальют Канавино и унесут Китай на Каспий*» [Пильняк 2003: 37-38]. Этот Китай, «Каменный Стеной сокрытый», намного больше первого, он простирается от Волги до Каспия и представляет собой затаившийся, выглядывающий из-за углов прилавков.

Третий вариант образа Китая, символически нацеленный на отражение *настоящего*, предстаёт перед читателем через картину послереволюционной разрухи, «покрытой ржавчиной», «запустелый», где «в соннах гуляет ветер», а цеха и домны стоят без работы: «...И в цехах снег и ржа. Стальная тишина. И из прокопчённых цехов, от фрезеров и аяксов, от молотов и кранов, из домны, из прокатного от поржавевших болванок – глядит: Китай, усмеваются (как могут усмеяться!) солдатские пуговицы. *Там, за тысячу вёрст, в Москве огромный жёрнов революции смолот Ильинку, и Китай выполз с Ильинки, пополз...*» [Пильняк 2003:

38]. Здесь царит такой же голод и разруха, с которыми, по мысли автора, призваны в ближайшем будущем бороться большевики.

Другое произведение Б. Пильняка, в котором появляется развёрнутый образ собственно Китая, – «Китайская повесть» (1927). На первый взгляд, повесть может оставить у читателей впечатление хаотичности и фрагментарности. В произведении отсутствует «классический» сюжет и система образов (в понимании, характерном для традиционного реализма), а его композиции организуется с использованием принципов «киномонтажа»; «слово автора» сведено к минимуму, а авторская позиция выражается не столько в тексте, сколько в сознании воспринимающего – читателя (который должен мысленно соединить «симфонию» разнообразных оценок и позиций).

Б. Пильняк создал особую модель взаимодействия читателя с изображаемым миром, которая не предполагала наличия единой системы взглядов на события. Китай как страна раскрывался через множество разнообразных фактов, воспроизводящих реальность нищеты, бедности, «немогущности» народа и социальной системы, сложившейся в этой стране: «...На высокой табуретке против микроскопа сидел горбун, одетый, как китайские бои, в одни холщовые белые штаны, босой, – горб был наружу, ужасный, лиловый в синих складках, – лицо было очень китаелицо, в морщинах старости. Мне сказали, что этот старик – крупнейший, не только китайский, но мировой – учёный, пишущий труды очень большой значимости – и – живущий в музее в качестве сторожа, за хлеб» [Пильняк 2003: 114]. В этом эпизоде автор показывает читателю не «среднестатистического» китайца – заядлого курильщика опиума, – а выдающегося учёного.

Описывая одну из «опиумных фанз», автор подчеркнул отсутствие «истинного» авторского понимания страны: «...Так же как в храмах и на улицах, – я познаю, что я не знаю, не понимаю и никогда не пойму китайцев и Китая. Я спрашиваю направо и налево всех, чтобы найти какие-либо ключи к Китаю, – и этих ключей у меня нет, все, что я вижу, я вижу для того, чтобы – не знать» [Пильняк 2003: 114]. Кажется, что сама природа восстаёт против китайцев: например, «Жёлтая река» (имеется в виду Хуанхэ. – А.К.), «уничтожающая каждый год миллионы людей, каждый год меняющая своё русло» [Пильняк 2003: 118]. Здесь полуголые женщины, сидя на «вытопанной земле, в пыли», в грязных одеждах, «расшивали золотыми нитками шёлковые женские туфельки» для знатных дам, в то время, как их мужья вынуждены, по причине нищеты, работать голыми на рисовых полях [Пильняк 2003: 119]. Показанная автором «действительность» китайской жизни создавала в сознании чита-

теля сложную и противоречивую картину, но в то же время давала богатый материал для собственного представления.

Китай для писателя – это, прежде всего *государство символов*, обладающих глубинными культурными значениями, которые нельзя понять до конца рационально, однако можно постигнуть интуитивно: «Китай – страна драконов, олицетворяющих солнце, пагод, храмов, неба, предков, чёртообразных богов, пятисот будд, пыток, сорокавековая культура, особливейшая: дракон – символ Китая» [Пильняк 2003: 113]. Время в нём течёт «неспешно», «размеренно», так же «неспешно» организуя окружающее пространство, и имеет глубинный философский смысл: «Мамаиди – значит по-китайски – погоди, не торопись, не спеши, значит русское – сейчас. Это мамаиди скрыто в китайских расстояниях, в китайском времени, в китайских делах и в китайской философии» [Пильняк 2003: 115]. Представление о Китае как о «стране символов», с одной стороны, вытекало из образа страны, сформировавшегося в литературе второй половины XIX – начала XX вв., а – с другой – формировало новую систему «советских» представлений о дружественной стране, которой нужно помочь освободиться из-под экономической власти капитализма и культурных предрассудков.

В соответствии с неизбежным «советским» идеологическим заданием, которому писатель должен был следовать, автор объясняет причины описываемых явлений действиями «китайских консулов, генералов, а также иностранцев», которые способствуют распространению опиокурительных заведений, но совершенно не интересуются развитием национальной науки и экономики. Писатель прибегал к ставшему характерным для советских «китайских текстов» 1920-х гг. контрастному противопоставлению мира Китая с миром европейцев, эксплуатирующих страну. Во всём разнообразии совершенно не сопоставимых вещей, характеризующих Китай, существует свой, отгороженный от всей остальной страны замкнутый «концессионный мир». В этом мире англичане, французы, португальцы живут по законам своей страны куда «вход китайцам и собакам воспрещён», где тенистые аллеи наполнены «янтарной божественностью богослужений», а «белые яхты» неспешно качаются на водах канала [Пильняк 2003: 120].

Подводя итоги, автор делает вывод о том, что Китай – это «страна феодализма ... и коммунистических советов профессиональных союзов Кантона и Шанхая» [Пильняк 2003: 123]. Он проводит традиционное сопоставление Китая и России: «Из всех стран, мною виденных, Китай больше всего похож – на Россию, на заволжскую, моей русской бабушки Россию, – даже кушаньями, несмотря на то, что здесь едят и лягушек»

[Пильняк 2003: 131], объясняя это тем фактом, что обе страны в своё время пострадали от монгольского ига.

В конце 1920-х гг. значение идеологического фактора в литературе усиливалось. «Советский» взгляд на Китай и проживающих в нём «белоэмигрантов» отразился в текстах писателя и журналиста, выступавшего под фамилией «Е. Полевой». В публицистической книге очерков «По ту сторону китайской границы. Белый Харбин» (1930) на первом плане в повествовании оказывался не столько Китай, на территории которого был расположен Харбин, а жизнь русского населения города.

Жизнь русских людей в Харбине описывалась Е. Полевым детально (автор провёл в этом городе пять лет). Картина жизни составлена из кратких набросков происходивших событий, логически не всегда связанных между собой ассоциаций (в этом проявилось стилевое сходство произведения с «Китайской повестью» Б. Пильняка). При этом писатель нередко избегал прямых авторских комментариев к описываемым событиям, делая акцент на общую характеристику времени, в течение которого советские служащие работали на КВЖД.

В начале книги автор изобразил город Харбин, который, по его мнению, внешне походит на типичный «советский» город, так что «любой русский», прогуливаясь по нему, не должен чувствовать себя находящимся за границей: «Кругом – русские лица, вы слышите почти исключительно русскую речь, на улицах магазины с русскими вывесками, во всех углах города – православные церкви, даже на углах улиц то тут, то там торчат типичные старые русские городовые в несколько обновлённой китаизированной форме. Только мелькающие на каждом шагу китайские физиономии и костюмы напоминают вам о том, что вы находитесь на территории суверенного Китая» [Полевой 1930: 5].

Показательна авторская характеристика эмигрантов, которые, с его точки зрения, создали в городе «вязкое деловое обывательское болото», лишённое признаков «подлинной культурной жизни». Характерной чертой «коренных харбинцев» являлось сочетание «внешней культуры», умения «поддерживать разговор на любые темы» и внешней индифферентности в общении по отношению к любым «общественным вопросам» (под «общественными вопросами» автор подразумевал политику, современные научные открытия, новые веяния в области искусства и т.п.).

Писатель предложил своеобразную политизированную классификацию русских эмигрантов, проживавших в Харбине.

Первую группу составлял, как отмечал автор, «панический» тип обывателей, бежавших из России, «поддавшихся массовой тенденции» («мелкие спекулянты», у которых отсутствует «подлинное советское», а «неестественная» и «искусственная» жизнь наполнена «пошлым совре-

менным американизмом»); «беженцы-эмигранты» («бывшие люди», которых «Октябрь» свалил с каких-то хотя бы самых маленьких, высот» – царские чиновники, помещики, бывшие колчаковские министры и «предводители дворянства», профессора, адвокаты), постепенно превратившиеся в «мелких дельцов-спекулянтов» или опустившиеся на «смрадное харбинское дно» и сохраняющие в душе «озлобленность к революции», ставшие «идейными продолжателями» «антисоветской эмиграции» («Нет той лжи, бессмыслицы и клеветы, которая не подхватывалась бы, не раздувалась бы и даже просто не придумывалась бы этими людьми, если только она хоть как-нибудь может бросить тень на советскую власть» [Полевой 1930: 6–7]).

Вторую группу составляли «активисты в борьбе с советской властью и её Красной армией» – «профессионалы-воины», не умеющие ни ориентироваться, ни существовать в мирной обстановке, ненавидящие всё, что связано с большевиками и коммунизмом («Это главным образом бывшие офицеры всяких формаций <...>, которых в победном шествии революции пятая Краснознамённая армия постепенно загнала в маньчжурский тупик и заставила сложить там оружие» [Полевой 1930: 7]).

К третьей группе относились люди, предавшие «идеи родины» по политическим или меркантильным соображениям и устроившиеся на китайскую государственную службу («Это в существе своём люди, уже давно сжёгшие все свои корабли, а с ними даже и самые крохотные идейки, когда бы то ни было копошившиеся в их атрофированном мозгу, люди, которым терять уже нечего, которые могут безжалостно и безудержно прожигать свою жизнь» [Полевой 1930: 9]).

Последняя группа представляла «потерявших себя людей», и она, по мнению Е. Полевого, составляла большинство «харбинской эмиграции». Их характеризует «зияющая пустота» в душе, делающая жизнь лишённой смысла: «Безусые мальчишки превращались в зрелых мужчин, старики сходили в могилу, сильные и здоровые мужчины незаметно изнашивались и переступали порог старости. Кругом шла какая-то ненужная, чужая жизнь, шла мимо, не задевая нутра, томительное ожидание затягивалось, временное и случайное становилось длительным и постоянным; а Москва, Самара, Казань, вообще все своё, родное, насиженное, привычное – отодвигалось все дальше и дальше, едва мерещилось в тумане полузабытого прошлого, оставалось запретным и недоступным» [Полевой 1930: 10].

Как показывает процитированный текст, разница между всеми этими группами невелика, и всем им даётся в равной степени негативная авторская оценка. Писатель характеризует отношение («политический вектор») китайских властей к русским эмигрантам: «Современные ки-

тайские государственные деятели очень ценят белоэмигрантов-предателей; эти предатели им очень нужны, и они их охотно подкармливают и охотно пользуются их грязными услугами; в награду за эти услуги они бросают им крохи со своего стола и позволяют им распускать свой язык в хуле на Советский Союз и советскую власть вплоть до площадного сквернословия; но одновременно они презирают этих предателей всем тем неисчерпаемым презрением, на какое способен уважающий себя человек по отношению к пресмыкающейся и подлой гадине, они третируют их, как смрадные человеческие отбросы, которыми при случае можно удобрить поле новой государственности, но нормальное место которых все-таки в выгребной яме» [Полевой 1930: 22–23].

Такой вывод в общем плане соответствовал концепции близости Китая и России, которая утверждалась советской литературой в 1920-е гг. – в произведениях как Б. Пильняка, так и Е. Полевого. Стилиевые различия, существовавшие между творчеством обоих писателей, не влияли на принципиальные идеологические подходы, реализовывавшиеся в советском «китайском тексте».

Библиографический список

Кондаков Б.В., Красноярова А.А. Китайский контекст и китайский текст в русской литературе XIX века (к постановке проблемы) // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 123-127.

Пильняк Б.А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Гольый год: Роман. Повести. Рассказы. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2003. 448 с.

Пильняк Б.А. Собрание сочинений: в 6 томах. Т. 3: Повести; рассказы; Корни японского солнца: роман. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2003. 576 с.

Полевой Е. По ту сторону китайской границы: Белый Харбин. М.; Л.: Государственное издательство, 1930. 88 с.

A. A. Krasnoyarova

Lecture of Russian language department

Institute of Foreign Languages, Nanchang University

**“CHINESE TEXT” IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XXth CENTURY
(BY THE EXAMPLE OF E. POLEVVOY AND B. PILNYAK WORKS)**

It the article it has been presented the analysis of the Chinese text in Russian literature which started to be formed at the 18th century and later on developed actively throughout the 19th – 21st centuries. By the example of E. Polevoy and B. Pilnyak, works the author analyzes the Chinese text in the Soviet Russian literature of 1920s. The events of the Civil War in Russia led to mass emigration. The Russian population was divided into “Soviet” citizens and “emigrants” – people without citizenship, and as a result two “flows” appeared in the previously unified literature – “Soviet” and “foreign” which differed significantly both in ideological content and in style.

Key words: Chinese text, China, the image of China, Russian literature of the 20th century, Soviet literature of the 1920s, fiction of the 1920-1930s, “Chinese theme” in Russian literature, B.Pilnyak, E.Polevoy.